

Нефедьева Александра Карповна,
заслуженный работник культуры Российской Федерации,
заместитель директора
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы» по науке в 1997–2007 гг.,
г. Иркутск.

ГАЛИНА ГЕННАДЬЕВНА ОРАНСКАЯ И АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ «ТАЛЬЦЫ»

В 1979 г. в связи с состоянием здоровья сына я перевелась работать из дореволюционного отдела Иркутского областного краеведческого музея в его филиал «Тальцы», в то время называвшийся музеем деревянного зодчества. Ранним летом этого года меня повезла познакомиться с местом новой работы Полина Иннокентьевна Тугарина, заведующая филиалом. Доехав до 47-го км Байкальского тракта, мы вышли из автобуса и пошли в музей. В нем еще строилась деревня-малодворка, но рядом с трактом уже были устроены въездная площадка для транспорта туристов, рабочая дорога и пешеходная дорожка, она шла от въездной площадки прямо в лес, спускаясь вниз, повторяя рельеф местности.

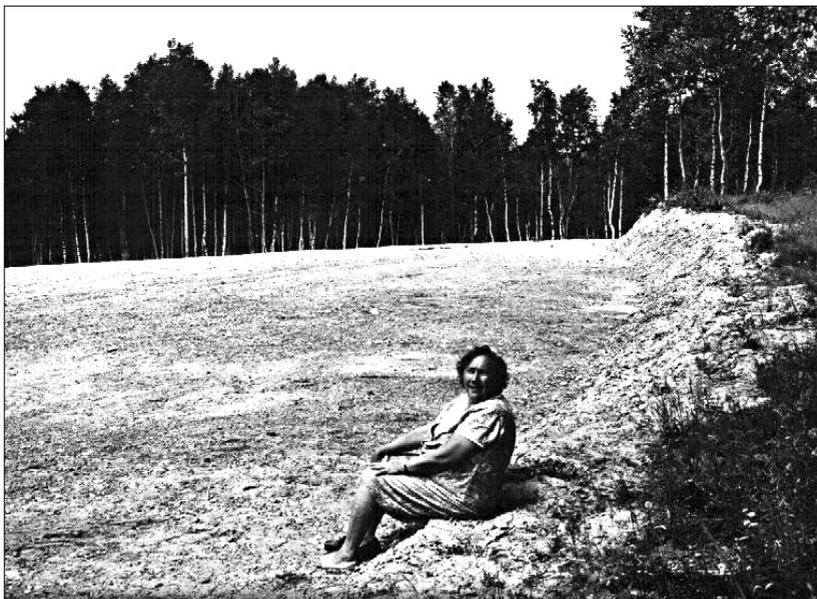
Был жаркий день, но мы не чувствовали этого, лиственный лес защищал нас от лучей солнца, отдавая свою прохладу. Мы вдыхали запах леса, любовались прекрасной дорожкой, усыпанной отсевом щебня. Настроение мое преобразилось, тихая радость охватила меня. Дорожка круто повернула к Ангаре, и Полина Иннокентьевна, показывая мне на лес, сказала, что здесь в будущем будет построена верхоленская экспозиционная зона.

Наконец, пройдя по дорожке около 800 м, мы вышли к открытому пространству — будущему волостному селу ангаро-илимской экспозиционной зоны. Площадка для него была уже готова и ждала вывезенные памятники. Мы прошли ее, и дорожка, совершив небольшой изгиб, вывела нас на улицу деревни-малодворки. Улица была устроена на высоком берегу Ангары, тянулась с севера на юг, теряясь вдали. На ней уже была построена усадьба Непомилуева, две другие усадьбы — Серышева и Прокопьева — строились. Мы прошли мимо строившихся объектов, свернули с улицы на рабочую дорогу и вышли к сторожке. Нашим глазам открылась широкая поляна, окаймленная лесом и деревней-малодворкой. Там, где сейчас находится экспозиционное

кладбище музея, из леса выходила рабочая дорога, разделяясь на две. Одна шла прямо к усадьбам Непомилуева и Серышева, другая — к столярке, от нее свернула направо и шла параллельно долине безымянного ручья, текущего в Ангару, и у сторожки соединилась с первой дорогой. Недалеко от сторожки стояли три огромных сарая, покрытых тесом и толем. В двух из них в разобранном состоянии хранились вывезенные Галиной Геннадьевной Оранской памятники, отобранные ею для волостного села, в третьем — уникальные памятники XVII в. — Спасская проезжая башня Илимского острога и Илимская Казанская церковь. Через дорогу, напротив сараев, были вкопаны в землю ванны, наполненные специальным раствором. Над ними на высоких столбах была устроена крыша, чтобы дождевая вода не разбавляла раствор, в который на некоторое время помещали бревна памятников, чтобы они на новом месте не заразились грибком.

Все, что было сделано в музее, было основано на глубоких знаниях и творческой воле одного человека — Галины Геннадьевны Оранской. Она ясно видела, каким должен был быть музей, подчиняя всех начальников и рабочих одной цели: чтобы деревня выглядела так, как будто ее строили сами хозяева: усадьбу Непомилуева — Непомилуев, усадьбу Серышева — Серышев, Прокопьева — Прокопьев. Этой цели она упорно добивалась. Помню, как-то раз рабочие закончили реставрацию амбара усадьбы Прокопьева, заменив сгнившие бревна новыми без Галины Геннадьевны, она жила в Москве. Вскоре приехав, она пошла оценить работу реставраторов и заставила рабочих разобрать амбар. Напрасно начальник реставрационного участка В.Г. Дёмин с рабочими протестовали, Оранская была непреклонна, амбар разобрали. Рублен он был «в обло», и чашки новых бревен были выполнены слишком широко. Между их краями и вставленными в них бревнами образовался зазор, равный сантиметру.

Как-то я спросила Галину Геннадьевну, почему она не реставрирует уникальные памятники — Спасскую проезжую башню и Казанскую церковь, широко известные всей России. Они сразу бы принесли известность музею, подняв его до высокого уровня музеев «Малые Карелы» и «Кижы». Она ответила мне, что рабочие еще не готовы к их реставрации и она вынуждена учить их на деревенских усадьбах, как правильно рубить дерево. Она объясняла рабочим, что такое музей и какая ответственность лежит на них. Музей показывает высокую культуру народа, проявившуюся в зодчестве, планировке сел и деревень, быту и земледелии. Я была потрясена ответом Галины Геннадьевны, она мыслила на

***Г.Г. Оранская на очищенной площади в музее «Тальцы»,
подготовленной под строительство волостного села***

государственном уровне — нужно было так выполнить порученное дело, чтобы пришедшие в музей люди оценили по достоинству своих предков, испытывали уважение к ним и гордились ими. В восстановлении памятников требовалась максимальная точность, и она добивалась этого.

Позже, 18 июля 1980 г., была открыта для посетителей первая очередь музея — деревня-малодворка. Народу приезжало так много, что мы даже не могли спокойно поесть, на ходу глотая что-нибудь, брали группы и уводили их на экскурсии. Интерес к музею был огромен. Это и понятно — все мы вышли из деревни и многие приходили сюда, вспоминая детство, юность, может быть, даже зрелость. Многие и говорили об этом. Мне в душу запал один эпизод. Я провела экскурсию и возвращалась обратно, но, услышав разговор, остановилась. Небольшая группа людей шла по улице, видимо, один из них был иркутянин, он вел ее. Мужчину спрашивали, откуда вывезли дома в музей. Тот ответил, что они тутешние, хозяев выселили, а дома и усадьбы превратили в музей.

И правда, деревня выглядела так естественно, как будто стояла на этом месте 100, а может и больше, лет. Выбранное Оранской для деревни-малодворки место было таким красивым, что казалось: если бы крестьяне выбирали место для новой деревни, они также остановились бы на нем.

Галина Геннадьевна жила в Москве и работала во Всесоюзном производственном научно-реставрационном комбинате. Она была приглашена областным управлением культуры для реставрации памятников Иркутска. Позже, в 1969 г., ее назначили на должность главного архитектора вновь образованного музея деревянного зодчества. Ей и поручили выбрать место для музея. Она осмотрела предложенные варианты: в с. Урик, Верхоленскую гору под Иркутском и центр Иркутска, но не выбрала ничего и была в раздумье. Однажды, совершая поездку на Байкал по Байкальскому тракту, Галина Геннадьевна увидела проселочную дорогу, удаляющуюся от тракта в лес, в сторону Ангары. Ей сказали, что эта дорога вела в бывший поселок Тальцы, в настоящее время затопленный водами Иркутского водохранилища. Оранская попросила водителя свернуть на дорогу. Вскоре лес закончился, и открылась поляна, поросшая травой, кое-где виднелись кусты

Г.Г. Оранская в музее «Тальцы»

черемухи и боярышника — наследие бывших жильцов. Вдали виднелась Ангара.

Поселок Тальцы был основан в конце XVIII в. купцом Александром Барановым и известным шведским ученым Эриком Лаксманом, построившим на р. Тальцинке стекольный завод. Поселок строился на низменном берегу Ангары и р. Тальцинке, впадавшей в нее. В советский период поселок разросся, и часть его заняла склон горы. Место было уютным, обжитым и никем не занятым. Внизу в Ангару бежал ручей. Галина Геннадьевна воскликнула: «Здесь и будет музей!» Слева от ручья на горе стояли три усадьбы, хозяева

**Рабочий-реставратор
в музее «Тальцы»**

которых не захотели переселиться ни в Большую Речку, ни в Тулун, куда перевезли с заводом часть населения.

Байкальский тракт обеспечил будущему музею стабильную посещаемость. Оранская начала работать над проектом, изучала этнографическую литературу о жизни людей Предбайкалья, ездила в экспедиции, разговаривала с жителями сел. Особенно плодотворными были поездки в Братский и Нижнеилимский районы, где она отобрала 28 памятников в селениях, подлежащих затоплению водами водохранилища Усть-Илимской ГЭС. В 1970 г. они были вывезены на территорию музея.

Галиной Геннадьевной Оранской первой был применен принцип историко-культурного зонирования Иркутской области, по которому в музее необходимо экспозиционно представить семь историко-культурных зон: четыре русских — ангаро-илимскую, верхоленскую, витимскую, центральную, позднее переименованную в трактово-подгородную; а также три национальных — бурятскую, эвенкийскую, тофаларскую.

В 1980 г. в музей пришел работать Олег Викторович Бычков — этнограф, окончивший Ленинградский университет, отделение этнографии. Как он говорил нам, на курсе у них училось восемь человек. Обучение велось серьезно, каждый студент обучался практически индивидуально. В летнее время студенты под руководством докторов наук ездили в экспедиции, изучая народ того или иного региона. Будучи студентом, О.В. Бычков уже побывал в этнографических экспедициях на Кавказе, в Сибири, в средней полосе России и был хорошо подготовлен к работе этнографа. Обладая многими хорошими качествами, он был честолюбив и амбициозен, всегда стремился занять ведущее положение в обществе, в котором находился. Не всегда был объективен. Олег Викторович пришел в музей, когда уже сдана была деревня-малодворка и музей открылся. Он сразу стал в оппозицию к Оранской, критикуя ее за то, что она поставила избы Непомилуева и Серышева окнами на север. Дома свои русские никогда не ставили окнами на север. В отношении деревни-малодворки он был прав, крестьяне, ставившие свои дома в один ряд, не могли прорубать окна на север. Но Оранская, выбирая памятники по их качествам,

Г.Г. Оранская на объекте «Усадьба Серышева»

***Подготовка территории деревни-малодворки
к сдаче в эксплуатацию. 1980 г.***

не могла не выбрать дом Непомилуева, он был построен в русских традициях, высокий, объемный дом выглядел внушительно. Вырванные из своего исконного места и привезенные в музей дома заняли здесь место с ориентацией на улицу, которая тянулась вдоль Ангары. Можно было развернуть дом — хозяйственную избу поставить во дворе, а горницу на улицу, тогда бы они стали выходить окнами на юг. Но такие дома на связи строились, как правило, не в одно время, так было и с домом Непомилуева. В конце XVIII – начале XIX в. была построена одна изба, отапливалась она по-черному. Семья росла, и пришло время построить вторую избу. Ее построили рядом с первой избой, соединив сенями. Вторая изба была построена в то время, когда уже стали класть печи с трубой. Хозяйственная изба выходила на улицу, и Оранская так и поставила ее. Тем более что дворовые окна были защищены от северо-западных ветров высокими воротами, заплотом и двухъярусным амбаром. Главное, деревня выглядела подлинной, с курицами и деревянными трубами. Она стала совершенным памятником — символом заселения Сибири. Каждая деревня разрасталась, превращалась в село, сельскохозяйственных угодий

жителям уже не хватало, тогда некоторые из них шли на новые земли, никем не освоенные, и ставили новую деревяню. Таким образом заселялась вся Сибирь. Типичная деревня-малодворка и показана в нашем музее — в этом заслуга Галины Геннадьевны Оранской. Она учила нас малые хозяйственные объекты народов показывать в музее полностью, крупные — фрагментарно.

В 1982 г. Г.Г. Оранская приступила к восстановлению Спасской башни Илимского острога (1667 г.), расположив ее в центре площади волостного села ангаро-илимской зоны. Реставрация завершилась в 1984 г., от башни отходили в ту и другую сторону тыновые стены. Стены были показаны фрагментарно, каждая состояла из шести бревен.

Уникальный памятник выглядел куце, затерялся в строениях волостного села, ни мощи, ни величия в нем не было. Видимо, поэтому ученый совет производственного научно-реставрационного комбината предложил Оранской создать в музее фрагмент Илимского острога — построить ряд башен, объединив их тыновыми стенами, но она отказалась: «Я занимаюсь только памятниками, новоделы не строю». В 1986 г. Галины Геннадьевны не стало, пришедшие ей на смену архитекторы Е.А. Шутов и

Г.Г. Оранская в музее «Тальцы» возле усадьбы Прокопьева

А.А. Субботин выполнили решение ученого совета, запроектировав еще две башни, соединенные со Спасской тыновыми стенами. Башни и стены окончательно были построены в 2002 г. И все изменилось, острог стал выглядеть мощным укрытием, защищающим жителей от недругов. Тогда я поняла, что восстанавливать в музее утраченные памятники можно, и даже предложила восстановить утраченную в 60-е гг. XX в. Илимскую Введенскую церковь.

В 1990-е гг. был развален Советский Союз и экономике России был нанесен существенный урон, как и культуре. В 1991 г. в Иркутске закрылись реставрационные мастерские, занимавшиеся реставрацией памятников города и архитектурно-этнографического музея. Появились частные предприниматели, имевшие настоящих плотников, хотя и было их все же мало. Именно они закончили в 2002 г. последнюю, третью, башню Илимского острога, спроектированную Е.А. Шутовым и А.А. Субботиным. Музей жил, развивался. В 2011 г. в него пришла работать заместителем директора по науке Надежда Натановна Красная. Я восприняла это известие с радостью. Надежда Натановна — архитектор, долгое время возглавляла ЦСН, защищая культурное наследие города и области. «Теперь музей в надежных руках», — думала я. Затем я услышала, что В.В. Тихонов и Н.Н. Красная решили полностью восстановить Илимский острог: приказную избу, гостиный двор, соляной и хлебный амбары, Спасскую церковь и дом воеводы... Все памятники XVII в. От такого решения дух захватывало. «Восстановленный в полном объеме острог будет музеем в музее», — замирая от восторга, думала я. В том же году Н.Н. Красная ушла из музея, но ее ставленник, господин Куликов, частный предприниматель, остался. Я посетила музей в 2013 г., осмотрела восстанавливаемые памятники и тут же вспомнила слова Оранской: «Я занимаюсь только памятниками, новоделы не строю». Памятники не тянули даже на конец XIX в., так плохо были выполнены работы. У В.В. Куликова, восстанавливавшего памятники, была одна цель — добыть деньги. Его не интересовали ни музей, ни памятники. Сейчас В.В. Тихонов создает свою бригаду, чтобы изменить ситуацию при реставрации памятников. Я пожалела об Оранской, как бы она пригодилась музею с ее невероятной требовательностью к делу...